

Т.В. Смирнова

И все цветы, что только есть на свете...

(День 30 мая 1992 года)

*И все цветы, что только есть на свете,
Навстречу этой смерти расцвели.
И сразу стало тихо на планете,
Носящей имя скромное – Земли...*

Анна Ахматова

Анна Ахматова не была на похоронах Бориса Пастернака – лежала в больнице. Но стихи были написаны ею тогда, в 1960-м. Прошли годы. И вот снова в день смерти поэта – 30 мая – люди приходят на переделкинское кладбище с цветами. У могилы Пастернака сегодня больше всего сирени – бледно-лиловой, белой, фиолетовой. Ее запах плывет волнами, когда подует ветер. В скольких стихах Пастернак писал о сирени! И в нашей местности – в деревне Мутовки, где он жил летом 1927 года, тоже:

*И вдруг объявляется отдых,
И всюду бросают дела:
Далекая молодость в сотах,
Седая сирень расцвела...*

И еще ландыши – десятки маленьких пучков ставят люди в банки с водой. И возникают огромные букеты ландышей.

*Сырой овраг сухим дождем
Росистых ландышей унизан...*

И незабудки, и всех цветов тюльпаны, и ромашки, гвоздики белые и розовые, и пионы, видно, купленные у торговцев с Юга. Под Москвой они еще не цветут. И какие-то мелкие лиловые цветы, названия которых я не знаю.

Любил ли он цветы? Описывая похороны доктора Живаго, Пастернак говорит о цветах, о «редкой в то время белой сирени», цикламенах, цинерариях. «В эти часы, когда общее молчание, не заполненное никакой

церемонией, давило почти ощутимым лишением, одни цветы были заменой недостающего пения и отсутствующего обряда. Царство растений так легко себе представить ближайшим соседом царства смерти. Здесь, в зелени земли, между деревьями кладбища, среди вышедших из гряд цветочных всходов сосредоточены, может быть, тайны превращения и загадки жизни, над которыми мы бьемся. Вышедшего из гроба Иисуса Мария не узнала в первую минуту и приняла зашедшего по погосту садовника».

Но как же это? Похороны Юрия Живаго в конце августа – и вдруг белая сирень! Редкая в это время? Невозможная! Может быть, настолько любимая, что не мог представить похороны своего героя без нее?

Считается по стихотворению «Август», что Борис Пастернак представлял свою смерть в августе, похороны в день Преображения Господня – престольный праздник церкви в Переделкине. На три месяца ошибся. Ошибся? А как же сирень у гроба?.. Почему он видит в день смерти главного героя своего романа майскую сирень? Этой загадки нам не разгадать.

Стоят у его могилы, сидят на лавочке. Кто-то побежал за водой с ведрами. Кто-то цветы в банки ставит. А вот женщина свечку укрепила в земле возле памятника, старается зажечь на ветру. Загорелся огонек.

Надгробие – цементная стела, светло-серая, расширяющаяся кверху. Контррельеф – голова поэта в профиль. Сначала памятник непривычен. Потом кажется единственно возможным. Известный скульптор – Сарра Лебедева. Внизу на стеле, у самой земли – его почерком – Борис Пастернак. В ногах маленькая плита с датами: 1890–1960. В ограде еще несколько плит – могилы его близких.

Кладбище в Переделкине особое. Много могил писателей – рядом дачи Литфонда. Есть роскошные надгробия: из черного камня, с выгравированными портретами. И звезда Героя у иных не забыта. Но никто не несет к ним цветов. Разве родные придут. А у трех сосен всегда народ. И в будни, и в праздники – круглый год идут люди.

И есть сторож. Нет, не сторож – охранитель или, может быть, ангел-хранитель могилы – Эммануил Ефимович Лифшиц. Он взял на себя эту заботу. Старый инвалид, полуслепой, страдающий бессонницей. «Спал сегодня 1 час 55 минут – это хорошо», – сказал он мне. Нищенская пенсия. Таких сейчас и нет ни у кого – болел, нет полного стажа. На 75 рублей купил банок – цветы ставить. Несет в двух пластмассовых воду, не дает помочь: «Мне три килограмма носить можно». Часть банок у него прикопана – спрятана.

Если не очень болен, ездит в Переделкино почти каждый день. А 30 мая его звездный час. Один из тех, кто из года в год бывает в этот день в Переделкине, сказал:

– Я как-то прочел у могилы “Февраль. Достать чернил и плакать!..” Я не канонический текст читал, а тот, что в последнем прижизненном издании 1945 года. Так Лифшиц мне потом сказал, что я в одном слове ошибся. Я не поверил. Поехал домой, посмотрел. Да, так и есть. Он не просто стихи Пастернака знает – варианты знает.

Сам Лифшиц читает стихи необычно. С таким волнением, с такими резкими перепадами интонаций... Эта манера может нравиться или не нравиться. Но нельзя не преклоняться перед его верностью Пастернаку. Пост у могилы стал главным делом его жизни.

И Евгений Борисович Пастернак пришел, сын поэта. Столько сделал он для памяти отца! Пришел с женой Еленой Владимировной, видным литературоведом. Сколько публикаций подготовили они вдвоем! И тоже сирень принесли.

Я попросила Евгения Борисовича почитать. Он замялся: «Шумно». В это время стояло у могилы человек 40. Потом начал читать «Август»:

*Как обещало, не обманывая,
Проникло солнце утром рано
Косою полосой шафрановою
От занавеси до дивана...*

Голос негромкий. И так похож на голос поэта... Все замерло.

*Был всеми осяутии физически
Спокойный голос чей-то рядом.
То прежний голос мой провидческий
Звучал, нетронутый распадом...*

Солнце клонилось к западу. Люди постепенно уходили – кто домой – на электричку, кто на дачу, где жил Пастернак. Но приходили другие. Старые, седые и совсем молодые. Мужчины, женщины, некоторые с детьми.

– Я сама не очень знаю Пастернака, – сказала одна такая мама с двумя детишками, – детей приучаю. Спасибо, что стихи читали.

Интуристовский автобус подъехал. Иностранцы – одни понимают по-русски, другие – нет. Стоят долго, молча. Этого нашего соотечественника знают во всем мире. Должно быть, это и спасло, когда поднялась дикая кампания травли после присуждения в 1958 году Пастернаку Нобелевской премии. Тогда советские писатели исключили его из Союза писателей и требовали выслать из страны. «Вон из нашей страны, господин Пастернак. Мы не хотим дышать с вами одним воздухом, – говорил Борис Полевой. И слова эти были встречены аплодисментами. Резолюция с просьбой к Правительству о лишении Пастернака советского гражданства была принята на общем собрании писателей единогласно.

*Что же сделал я за пакость,
Я, убийца и злодей?
Я весь мир заставил плакать
Над красой земли моей...*

Это писал Пастернак в стихотворении «Нобелевская премия». Да, некоторые писатели промолчали. Не пришли на собрание. Не пришел Константин Паустовский. Не пришел Вениамин Каверин, сказавшись больным. Уехал, чтобы не выступать, Евгений Евтушенко ... Не пришли, не запятнали себя. Но промолчали.

Защищал Пастернака король Швеции. Защищал Джавахарлал Неру, встав во главе общественного комитета защиты Пастернака.

«Я связан с Россией рождением, жизнью, работой. И не мыслю своей судьбы отдельно и вне ее», — писал Пастернак Хрущеву.

Его оставили. Он не был сломлен морально. Ведь знал, что прав. Он показал в «Докторе Живаго», что в мире главная ценность – человек. Борьба национальная, борьба классовая – все это не нужно, несправедливо, если гибнет человек. И Гражданская война была страшной трагедией нашего народа, катастрофой. В Гражданской войне нет победителей. Жестокость, зверство одних рождает в ответ жестокость, зверство других. Устарела ли эта мысль? Сейчас, когда в нашей стране фактически уже идет война в нескольких местах, я часто думаю, что было бы, если бы роман Пастернака опубликовали тогда, в 1950-е годы, если бы его включили в школьную программу. Может быть, за 30 с лишним лет выросли бы на этом романе поколения с другой психологией?

Утешали в ту тяжелую пору Пастернака больше всего письма. От 20 до 50 писем в день получал он тогда. Люди, часто совсем незнакомые, не боялись писать, стараясь поддержать его.

*Тени вечера волоса тоньше
За деревьями тянутся вдоль.
На дороге лесной почтальонша
Мне протягивает бандероль.*

*По кошачьим следам и по лисьим,
По кошачьим и лисьим следам
Возвращаюсь я с пачкою писем
В дом, где волю я радости дам...*

Но стресс не прошел даром. Наверно, труднее всего было то, что он оказался на виду у всего мира. Он, писавший «Быть знаменитым некрасиво...», стремившийся быть таким незаметным в быту, оказался как на сцене.

*На меня наставлен сумрак ночи
Тысячью биноклей на оси...*

Еще в 1946 году он написал эти строки. И вот сбылось. И расплата – рак легких.

На похоронах пять венков было. От кого же венки? Один от Корнея Ивановича Чуковского. Кто не знает его «Муху-цокотуху»? Как все гости, что у мухи пировали, попрятались, когда паук на нее напал. А потом прилетел комарик и спас муху. Детские стишки? Ой, детские ли? А «Тараканище» вспомните ... Теперь могила Корнея Чуковского рядом с пастернаковской.

И последователь нашелся у комара-храбреца. Лидия Корнеевна Чуковского. От нее второй венок.

Третий от Асмусов. В.Ф. Асмус – философ и сосед по даче. Он и речь сказал на похоронах. Назвал Пастернака великим поэтом. И имел потом множество неприятностей. Едва не уволили его из университета.

Четвертый венок от Всеволода Иванова. Писатель, тоже сосед. Но был тогда в отъезде. Видимо, венок заказал сын – Вячеслав Всеволодович (обычно близкие зовут его Кома). С детских лет дружил с поэтом. Не прервал дружбы, когда травили. Литературный критик А. Зелинский требовал, чтобы Кому посадили за это. Даже эпиграмму по этому поводу написал тогда Зиновий Паперный:

*Вот К. Зелинский выступает,
Затеяв в зале кутерьму,
И сына друга предлагает
На всякий случай сдать в тюрьму.*

Ну а пятый венок был анонимным. Кто-то хотел почтить поэта, но не решился себя назвать? У Э.Е. Лифшица есть разные предположения. Это он рассказал мне о венках. Но скорее всего пятый венок навсегда останется тайной. Может быть, и хорошо это как бы от каждого. От каждого, кто пришел тогда на похороны.

А день 30 мая 1992 года длился. Люди приходили к могиле, уходили. Живой поток. Потом пришла собака. Пришла и не ушла. Легла у могилы. Закрыла глаза.

А люди читали стихи. Читали, конечно, Пастернака, но и Ахматову, и Цветаеву – то, что связано с Пастернаком, – и Галича:

*Разобрали венки на венки
На полчаса погрустнели.
Как гордимся мы, современники,
Что он умер в своей постели...*

Молодой человек читал стихи Инны Лиснянской, посвященные Пастернаку. В руках у него была книжка, подаренная поэтессой. Читали по-разному. Тихо и громко, артистично и просто, запинаясь и четко. Некоторые не могли справиться с волнением и умолкали. Но если человек останавливался, несколько голосов подсказывали следующую строчку.

Да, стихи нужно знать. Только тогда интересно их слушать. Сравниваешь мысленно со своим чтением, ждешь с замиранием какого-то особенно дорогого места ... И просто ощущаешь благодарность и радость, когда слышишь чтение, прежде всего стихов знакомых, знаемых. У Анны Ахматовой есть выражение – «блаженство повторенья». Да, именно блаженство чувствуешь, повторяя знакомые стихи.

Облетал цвет с высокой яблони. Лепестки падали рядом с рыжей собакой – она так и лежала у могилы. Пожилая женщина поливала недавно посаженные кусты роз. Звенели птицы. Солнце просвечивало сквозь кроны деревьев.

*Просвечивает зелень листьев,
Как живопись в цветном стекле...*

И звучали стихи. Стоило умолкнуть одному, как вклинивался другой. Кто-то старался «застолбить тему»: «Оставьте мне зиму», «А я буду читать летние». Иногда просьба: «Прочтите “Июль”». Короткие стихи и очень-очень

длинные. Очень известные и редко встречающиеся в сборниках. Но всегда прекрасные – стихи Пастернака.

И было ощущение какого-то братства людей. Кто-то знаком. Кто-то не раз встречался в этом месте в этот день. А кто-то тут впервые. Но все объединены. Ведь сюда приходят по велению сердца.

Конечно, стоит приехать сюда и в обычный день. Может быть, и лучше. Посидеть, подумать. Вспомнить стихи.

Найти нетрудно. От Киевского вокзала до Переделкина – примерно полчаса. Мимо Преображенской церкви через поле по «Проспекту Ненси Рейган» – сделали к ее приезду асфальтированную дорожку. Да и указатели есть: «К могиле Пастернака у трех сосен». Правда, теперь не три – одну пришлось спилить. Но две стоят. И видно их издалека.

И вот что. Если поедете, можно цветов не покупать. Но вот банку захватите. Вы сможете в нее поставить чужие цветы. Не забудьте – у Эммануила Ефимовича пенсия маленькая, а банки воруют.

Текст опубликован в сокращении: Братина Сборник стихов и прозы. Сергиев Посад. 2000. С. 550–552